

МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ИСТОРИИ *

Уход Михаила Горбачева с поста первого — и последнего — президента бывшего Советского Союза, кажется, не вызвал в этой стране такого же резонанса, как за границей. Это понятно: слишком велики и настоятельны текущие неразрешенные проблемы в жизни страны, чтобы подводить какие-то итоги; процесс реформ продолжается — собственно, только теперь он и приобрел нужный ритм и темп, а Горбачев весьма справедливо рассматривался как человек, этот темп сбивающий. Так-то оно так, но и по этому поводу можно иметь разные мнения. В советской прессе уже не раз писалось, что именно такой спотыкающийся ход реформы, обозначенной неуместным именем "перестройка", и дал до поры до времени возможность блокировать сопротивление партийных консерваторов, которые не сразу сообразили, к чему весь этот процесс ведет или может привести. Об этом же сказал и сам Горбачев в интервью, данном главному редактору московской "Независимой Газеты" Виталию Третьякову: "Как раз я-то знаю всю эту машину. Если бы я из нее ушел, мы бы не добрались до этого".

Сказанное Горбачевым относится к приемам и тактике закулисной его борьбы с коммунистическими старовеерами, но отнюдь не означает, что сам-то он доволен тем обстоятельством, что "до этого" мы все же добрались. Конечно, "этого" он не хотел: исчезновения коммунизма и распада империи — и сейчас даже он не скрывает, что остается как сторонником централизованной организации государственной жизни, так и верующим социалистом.

Один из отзывов американской прессы на отставку

*Текст программы "Русская идея", переданной по радио "Свобода" в январе 1992 г.

Горбачева — статья в "Нью-Йорк Таймс" видного советолога Роберта Такера — сопровождается очень интересным фотоматериалом: совместный портрет Ленина и Горбачева, сделанный методом компьютерного наложения. При этом комбинированный портрет оказался напоминающим все-таки больше Ленина: лик Ленина превалирует, подавляет лицо Горбачева, но в общем совместное лицо получилось несколько мягче жесткого ленинского. Так фотофокус выявил всю суть проблемы.

Исходный путь и конечная ценность политического мировоззрения Горбачева — вера в так называемые ленинские нормы государственной и партийной жизни. Это идеология, предложенная Хрущевым, знаменитым XX съездом Коммунистической партии Советского Союза. В этом смысле Горбачев — из числа тех самых "детей XX съезда", по-другому называемых "шестидесятниками". Роберт Такер пишет в упомянутой статье, озаглавленной "Последний ленинист": "Горбачев, среди родственников которого были жертвы сталинизма, оказался весьма восприимчив к призывам Хрущева. Он вошел в число реформистски нацеленных "детей XX съезда". Великую задачу он увидел в возвращении советского государства к ленинским принципам и в очищении его от того, что получило название сталинистских искажений социализма".

А вот что написала в редакционной статье по поводу отставки Горбачева газета "Уолл-стрит Джорнэл" от 27 декабря 1991 г.: "Горбачев был лучшим из того, что могла предложить коммунистическая партия. Он сыграл центральную роль в замечательной главе мировой истории, но вынужден был в конце концов уйти, потому что в исторической пьесе больше не было места для человека, который хотел оставаться коммунистом".

Американские комментаторы в один голос подчеркивают добрую волю Михаила Горбачева, усматривая в такой едва ли не единственную причину предпринятых им реформ. Тот же Роберт Такер пишет в "Нью-Йорк Таймс" 29 декабря 1991 г.: "В данных условиях режим мог бы просуществовать еще немало лет, если бы Горбачев пожелал оставить его таким, каким принял. «Если бы

я не пришел к выводу, что необходимо изменить положение вещей, — сказал Горбачев недавно, — я мог бы руководить, как это делал до меня Брежнев. Десять лет царской жизни, а там хоть трава не расти». Но Горбачев, — продолжает Роберт Такер, — пожелал выступить в другой роли, так же известной в русской истории: роли царя-реформатора».

Тот же мотив подхватывает постоянный комментатор "Нью-Йорк Таймс" Энтони Льюис в номере газеты от 2 января 1992 г.: "От Горбачева ожидали того же, что и от прочих: человек, выросший в этой системе, будет продолжать игру по ее правилам, наслаждаясь властью и привилегиями. Но он выбрал противоположное. Он вернул Сахарова из Горького. Он дал свободу печати. Он ликвидировал монополию власти компартии, позволив выйти на арену иным политическим силам".

Парадокс Горбачева, таким образом, формулируется достаточно просто — или, если хотите, достаточно сложно: человек, убивший коммунизм, был верующим коммунистом, по крайней мере, социалистом. Он явным образом верил в так называемый социализм с человеческим лицом. Вот это человеческое лицо — предположительное, но не состоявшееся — и было изображено при помощи компьютерного фокуса "Нью-Йорк Таймс".

По этому поводу нельзя не вспомнить еще раз человека, вдохновившего Горбачева на реформы. Этот человек, конечно же, Никита Хрущев. В свое время его появление, его сумбурная, но не лишенная вот этой самой человечности политика, Александром Солженицыном была названа чудом; и такие чудеса, предсказал великий русский писатель, могут и повторяться. К суждениям Солженицына на этот счет мы еще вернемся, а сейчас я бы хотел вспомнить другого достаточно известного диссидента — историка Роя Медведева. Это фигура, сопоставимая с Горбачевым по уровню и качеству мышления: такой же верующий социалист. Но ведь и Хрущев был верующим социалистом, и это было главным в нем. Это и было, если угодно, то самое чудо, о котором сказал Солженицын. В книге Роя Медведева о Хрущеве есть одна

неоспоримая мысль: Хрущев был человеком 20-х годов, сохранивший эту интенцию сознания в последующие, чисто сталинские уже годы, среди всех соблазнов как сладкой номенклатурной жизни (впрочем, при Сталине она особенно сладкой не была), так и позднейшей так называемой патриотической идеологии. В замечательных мемуарах Надежды Яковлевны Мандельштам, во второй их книге, есть очень интересное описание пластической эволюции большевистского руководителя по десятилетиям советской жизни. Сначала это был тип дореволюционного подпольного интеллигента (правда, очень невысокой пробы: Радек, к примеру, может считаться гигантом этого рода); этот тип исчез в оппозициях, в противостоянии сталинской генеральной линии, и его сменил тип незамысловатого шумного комсомольца в вышитой рубаше, своего в доску парня. Потом уже появился тип кабинетного бюрократа в строгом костюме. Хрущев принадлежал как раз ко второму типу из перечисленных. И, как выяснилось, это был отнюдь не из самых плохих экземпляров советского коммунистического руководителя — при всех неоспоримых его минусах, например, совершенно оголтелой вражде к церкви.

Горбачев, таким образом, есть реинкарнация типа коммуниста-идеалиста комсомольской складки; в некотором роде Олег Кошевой, попавший не в военное подполье, а в руководящие кадры мирного времени. Интересно, что его прошлое — комсомольское. Но вот тут какая проблема возникает. Даже из своего скромного опыта общения со всякого рода советскими начальниками (как никак, а я прожил в Советском Союзе сорок лет), я мог убедиться, что более ловкой и жуликоватой публики, чем профессиональный комсомолец-карьерист, в природе и в обществе не бывает. Думаю, что люди такого именно происхождения составили сейчас ядро так называемых номенклатурных капиталистов. Комсомольский вожак в мое время — это был ловкач, греющий руки на всяких комсомольских стройках, то есть не просто жулик, а толковый жулик, умеющий ловить рыбку в мутной воде со-

ветской экономики. Это тип Чичикова, буржуа, занятого грязным делом первоначального накопления, а отнюдь не комсомолец-идеалист, которым мы вправе видеть молодого Горбачева.

В общем получается, что реформам Горбачева со всеми их никак не ожидавшимися последствиями мы обязаны, как это ни странно, самой коммунистической идеологии, законсервировавшей душу будущего реформатора на каком-то абстрактно понятом добре, на коммунистической его модели. Коммунизм похоронен идейным коммунистом.

Это обстоятельство, конечно же, не говорит в пользу государственной сметки бывшего генсека и президента. Он не хотел понимать того, что понимали куда менее сообразительные, казалось бы, Брежнев и Черненко: что эту систему нельзя реформировать, что тоталитарный строй по природе своей, по определению неререформируем частично, о чем и свидетельствует само слово "тоталитаризм", отнюдь не случайно выбранное для характеристики этого общественного устройства: тотальный значит целостный. К глазам Балтазара Балтазарыча отнюдь не приделываются губы Ивана Демьяновича, как знала еще гоголевская невеста. Так и к усам Иосифа Виссарионовича в лучшем случае подошли бы брови Леонида Ильича, а не симпатичное лицо ставропольского обкомовца из казаков. Реформируемый коммунизм — такой же неприятный артефакт, как компьютерный совместный портрет Ленина и Горбачева.

Горбачев совершенно потряс публику 23 августа, на первой же встрече с прессой после форосского пленения, когда он заявил, что по-прежнему верит идеалам социализма и готов работать по совершенствованию компартии. Такое сказать в тогдашней обстановке мог только, прошу прощения, простак. Вопрос: может ли быть простак человек, пробравшийся на вершину власти в коммунистическом государстве? И вот тут начинается самое интересное, что нельзя не повторить и не подчеркнуть: пример Горбачева — поистине всемирно-исторический пример! — показывает, что коммунистическая идеоло-

гия способна воспитывать людей в положительном духе.

Поверьте: мне очень трудно писать это. Могу сказать — именно потому, что сейчас это не прозвучит хвастовством, — что я всю жизнь, чуть ли не с первого класса был ярким и оголтелым антисоветчиком, на мне в этом смысле пробы ставить было некуда. Но не могу же я идти против фактов, да каких еще фактов: голубую мечту моей жизни — уничтожение коммунизма — реализовал коммунист. Это заставляет по-новому относиться к так называемому социальному идеализму или, как принято в России было говорить, к социальной мечтательности. Поистине, жизнь способна к номерам, выходящим за пределы самой разнузданной фантазии. Помню слова покойного Сахарова, сказавшего, что Горбачев продолжает оставаться для него загадкой. Ведь как виделся сценарий Горбачева? Как смена источника легитимности его собственной власти, как смещение центра таковой от партийных к государственным структурам. Вместо этого — совершенно непонятное цепляние за партийные дела. Ладно, и тут объяснение можно найти: не желал оставлять коммунистов без контроля. Но 23 августа зачем было о партии и социализме говорить? Когда это могло только помешать — и помешало.

Ответ проще, чем кажется: Горбачев не о себе думает в первую очередь. Это может показаться именно простоватостью, немыслимой для политика; но в контексте происшедших колоссальных событий может быть объяснено и по-другому: не простоватость, а некая, так сказать, мудрость чудака. Михаил Сергеевич Горбачев как личность выше типа политика. Это делает из него очень интересную не советскую уже, а русскую фигуру.

Сейчас я несколько отвлекусь от Горбачева и поговорю о человеке не менее интересном — Александре Солженицыне. Какую я в данном случае усматриваю связь между этими персонажами? Связь, касающуюся все той же идеологии.

В знаменитом своем "Письме вождям Советского Союза" — сочинении 1973 г. — Солженицын произнес о марксистской коммунистической идеологии жгучие слова: "Эта

идеология, доставшаяся нам по наследству, не только дряхла, не только безнадежно устарела, но в свои лучшие десятилетия она ошиблась во всех своих предсказаниях, она никогда не была наукой... Вы очень скоро испытаете большое облегчение, отбросив эту никчемную ношу, облегчение всего государственного устройства, всех движений в руководстве. Ведь эта идеология, доводя до острейшего конфликта наше внешнее положение, давно уже перестала помогать нам во внутреннем, как помогала в 20-е и 30-е годы. Все в стране давно держится лишь на материальном расчете и подчинении подданных, ни на каком идейном порыве, вы отлично знаете это. Сегодня эта идеология уже только ослабляет и связывает вас. Она захламляет всю жизнь общества, мозги, речи радио, печать — ложью, ложью, ложью... И вы — открывая газеты или включая телевизор, — вы сами разве верите сколько-нибудь в искренность этих выступлений? Да давно уже нет, я уверен...

...Эта всеобщая обязательная, принудительная к употреблению ложь стала самой мучительной стороной существования людей в нашей стране — хуже всех материальных невзгод, хуже всякой гражданской несвободы.

И все арсеналы этой лжи, совсем и не нужные для нашей государственной устойчивости, привлекаются как налог в пользу Идеологии: связать, увязать происходящее, как оно течет, и цепкую когтистую умершую Идеологию. Именно оттого, что наше государство по привычке, по традиции, по инерции все еще держится за эту ложную доктрину, за ее ответвленные заблуждения, — оно и нуждается сажать за решетку инакомыслящего. Потому что именно ложной идеологии нечем ответить на возражения, на протесты, кроме оружия и решетки.

Отпустите же эту битую идеологию от себя! Отдайте ее вашим соперникам или куда она там тянется, пусть она минует нашу страну как туча, как эпидемия, и пусть о ней заботятся и в ней разбираются другие, только не мы! И вместе с ней мы освободимся от необходимости наполнять всю жизнь ложью*.

Что сейчас актуально в этих словах, ставших, без

преувеличения, историческими? Их неточность, неадекватность тому, что все же произошло в Советском Союзе.

Солженицын призывал к отказу от коммунистической идеологии как акту первой, может быть даже и достаточной необходимости. Причина всех зол советской жизни — существование в искусственном идеологическом пространстве, отрыв от реальности, если угодно — от самого бытия. Это его, Солженицына, точка зрения, разделяемая, к примеру, такими советологами, как Аллен Безансон, говоривший о логократии — власти слов — как главной черте коммунистического режима. Но существовала и другая точка зрения, высказывавшаяся советскими диссидентами либерального направления. Они говорили, что идеология почти что и ни при чем, что советские беды объясняются тотальной несвободой советского человека. Согласно этой точке зрения, коммунистическая идеология действительно мертва (что говорил и Солженицын), но в этой своей мертвенности она утратила уже какое-либо негативное воздействие на советскую жизнь: это чистая условность, правило игры, прием социального, что ли, этикета. Получалось — у либеральных западников, — что идеология по крайней мере нейтральна.

Оказалось, что не верно ни то, ни другое. И доказал это Михаил Горбачев — человек, уничтоживший коммунизм именно потому, что продолжал верить коммунистической идеологии.

Чем же ему помогла эта идеология? Да тем, что в соответствии с корневым звучанием собственного имени, закрепила его идеализм. Горбачев не стал циником; это так же трудно, делая партийную карьеру, как библейскому Даниилу сохранить жизнь во рву львином. Улучшать коммунизм — ведь это могло прийти в голову только человеку верующему. То есть, сам формальный момент веры — того же идеализма — вне какого-либо отнесения к содержанию веры, тоже может формировать, так сказать, праведную душу.

И здесь мы находим еще одну историческую параллель к Михаилу Горбачеву, к типу такой личности, — уже не в советской истории 20-х годов, а в гораздо раннейей,

дореволюционной. Это тип русского интеллигента, как он представлен, скажем, в сборнике "Вехи", причем в статье наиболее апологетической к нему, к этому типу личности. Это статья С.Н.Булгакова "Героизм и подвижничество".

Констатируя несомненный и всем известный факт — атеизм русской радикальной интеллигенции, — Сергей Николаевич Булгаков тем не менее отмечал и другое: черты своеобразной религиозности, ей присущей.

"Многочратно указывалось (вслед за Достоевским), что в духовном облике русской интеллигенции имеются черты религиозности, иногда приближающейся даже к христианской, — писал Булгаков. — Свойства эти воспитывались, прежде всего, ее внешними историческими судьбами: с одной стороны — правительственными преследованиями, создававшими в ней самочувствие мученичества и исповедничества, с другой — насильственной оторванностью от жизни, развивавшей мечтательность, иногда прекраснодушие, утопизм, вообще недостаточное чувство действительности. В связи с этим находится та ее черта, что ей остается психологически чуждым — хотя, может быть, только пока — прочно сложившийся "мещанский" уклад жизни Западной Европы, с его повседневыми добродетелями, с его трудовым интенсивным хозяйством, но с его бескрылостью, ограниченностью... Если мы попробуем разложить эту "антибуржуазность" русской интеллигенции, то она окажется [составленной] из очень разных элементов, [среди которых] есть, несомненно и некоторая... доза бессознательно-религиозного отвращения к духовному мещанству, к "царству от мира сего", с его успокоенным самодовольством.

Известная неотмирность, эсхатологическая мечта о Граде божием, о грядущем царстве правды (под разными социалистическими псевдонимами) и затем стремление к спасению человечества — если не от греха, то от страданий — составляют, как известно, неизменные и отличительные особенности русской интеллигенции... В этом стремлении к Грядущему Граду, в сравнении с которым бледнеет земная действительность, интеллигенция сохранила, быть может, в наиболее распоз-

наваемой форме черты утраченной церковности... Вообще, духовными навыками, воспитанными Церковью, объясняется не одна из лучших черт русской интеллигенции... например, некоторый пуританизм, ригористические нравы, своеобразный аскетизм, вообще строгость личной жизни... Христианские черты, воспринятые иногда помимо ведома и желания, чрез посредство окружающей среды, из семьи, от няни, из духовной атмосферы, пропитанной церковностью, просвечивают в духовном облике лучших и крупнейших вождей русской революции".

Напомню, что это писалось в 1909 г. и относилось к деятелям первой русской революции, не к большевикам ленинской складки, оседлавшим вторую революцию 1917 г. Напомню также, что Солженицын в одной из статей сборника "Из-под глыб", сравнивая тогдашнюю интеллигенцию с нынешней, советской, находил, что она давно и бесповоротно утратила те положительные черты, которые готов был признать за ней отец Сергей Булгаков. Тем не менее именно Солженицын в своей апелляции к вождям Советского Союза действовал не без расчета на то, что сохранились же в них, не могли не сохраниться какие-то воспоминания о прежней, нормальной жизни и, быть может, бессознательное стремление к этой жизни вернуться. В данном случае он рассчитывал как раз на тех лидеров, которые вышли из деревни: советское деревенское детство с ужасами коллективизации не могло не вызвать внутреннего противления советскому строю, резонно полагал Солженицын. И в общем он, как мы можем видеть, не ошибся: именно таким человеком оказался Михаил Сергеевич Горбачев.

Можно и еще одну параллель провести в этом отношении, вернувшись к тому же сборнику "Вехи". Другой участник сборника, Петр Бернгардович Струве, резко отвергал мнение о реликтах православной духовной прививки у русской интеллигенции — и в противоположность этому проводил другую параллель, усматривая генезис русской бунтарской, противогосударственной интеллигенции в старом казачестве, орудовавшем в Смутное время, а также в разинском и пугачев-

ском бунтах. Но ведь и тут мы находим ход к биографии и просхождению Горбачева: он же ведь из казаков! Такие детали, такие, я бы сказал, символические мелочишки — истинная награда исследователю (об этом не раз писал Набоков).

Наконец, мы можем развернуть данный сюжет, вспомнив еще одного крупного историка русской духовности — Георгия Петровича Федотова. Он утверждал глубокую народность, укорененность в русской истории того духовного типа, который вековцы громили под именем интеллигенции. И здесь он апеллировал не к феномену казачества, а к другому, не менее стильному русскому типу — странника, религиозного скитальца из народа. Культурная, западноевропейского чекана обработка этого традиционного русского народного типа и дает феномен русской интеллигенции. Поэтому Федотов не разделял мнения о глубоком духовном расколе, имевшем якобы место в русской истории и связанном с петровскими реформами, — расколе между народом и европейски воспитанными культурными классами: у них было больше общего, чем несходного.

Все это я говорю к тому, чтобы через такие опосредующие связи вернуться к теме об идеализме Горбачева, который подвигнул его не на гальванизацию, а на реформирование коммунистической империи, что и привело к ее краху. Мой тезис, напомним, звучит так: искренняя, глубокая и бескорыстная приверженность Горбачева коммунистической идеологии была положительным фактором и действующей причиной указанного процесса. Это вновь ставит вопрос о парадоксальности феномена веры — о гораздо большей важности религиозного, верующего склада души, чем о содержании самой веры. Американский философ Эрик Хоффер написал блестящую книгу "Истинно верующий", в которой выявил феномен так называемой взаимозаменяемости вер: например, фанатичному коммунисту нетрудно превратиться в фашиста или истового мусульманина (последний случай произошел, кстати, с известным в свое время философом-марксистом Роже Гаради, любимцем со-

ветской либеральной интеллигенции 60-х годов). Подобные факты (которыми наполнена история человечества) заставляют, казалось бы, думать, что лучшая участь, так сказать, благая участь — вообще отказаться от веры, изжить и преодолеть структуры верующего сознания. Лично я и сейчас склонен думать именно так: что лучшим средством построения нормальных человеческих отношений навсегда останется веротерпимость и свободная совесть. Но элементарная интеллектуальная честность принуждает меня признать, что в этом деле — как и во всяком другом — не существует однозначных решений. Наша жизнь темна, непредсказуема и полна чудес, — в чем еще раз убедило чудо Михаила Горбачева.